

ISSN 2542-2332

2019 №3 (20)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадоллов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332

2019 №3 (20)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2019

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

- S. A. Vasutin*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)
L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

- L. N. Yarmolenko*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RSF project "Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX-XX centuries" (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Пиков Г. Г.</i> Найманский этап истории государства Си Ляо (Западное Ляо)	7
<i>Дашковский П. К.</i> Курган эпохи палеометалла из могильника Ханкаринский дол (Горный Алтай)	19
<i>Плетнева Л. М.</i> Лазурит в составе украшений из памятников басандайской культуры	34
<i>Артемьева Н. Г.</i> Склеп в селе Фадеевка Приморского края	59
<i>Мурзин В. Ю.</i> «Города» кочевых скифов	72

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Бурнаков В. А.</i> Вода в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ (конец XIX — середина XX в.)	86
<i>Лебедев Р. В.</i> К проблеме локализации «Малых Эргенеконов» Саяно-Алтая	101

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Слепцова В. В.</i> Отношение иудаизма к другим религиям	122
<i>Лысенко Ю. А.</i> Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40–80-е гг. XIX в.)	128
<i>Терновая Г. А.</i> Магические атрибуты в искусстве и представлениях народов Центральной Азии и Сибири	139

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Муканова Г. К.</i> Археология как искусство: Виктор Федорович Зайберт (к 50-летию научно-педагогической деятельности)	160
--	-----

ДЛЯ АВТОРОВ	167
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Pikov G. G.</i> Naiman phase of the history of the state Hsi Liao (Western Liao).....	7
<i>Dashkovskiy P. K.</i> The mound of the paleometal period of burial Khankarinsky doll (Gorny Altai).....	19
<i>Pletneva L. M.</i> Lazurite in jewelry from monuments of the Basandaika culture	34
<i>Artemieva N. G.</i> The burial vault in the village of Fadeyevka in Primorye	59
<i>Murzin V. Y.</i> The “cities” of nomadic Scythians.....	72

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Burnakov V. A.</i> Water in the traditional worldview of the khakases: image and symbol (late XIX — mid XX century).....	86
<i>Lebedev R. V.</i> To the problem of localization of “Small Ergenecons” of Altai-Sayan	101

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Sleptsova V. V.</i> Some Judaic attitudes to other religions	122
<i>Lysenko Yu. A.</i> The position of officials of the Orenburg Department on the legal regulation of the spiritual life of the Kazakhs of the Ural and Turgay regions (40–80-ies of XIX century).....	128
<i>Ternovaya G. A.</i> Magic attributes in the art and perceptions of the peoples of Central Asia and Siberia	139

Section IV

PERSONALITIES

<i>Mukanova G. K.</i> Archeology as art: Viktor Fedorovich Zaybert (on the 50th anniversary of scientific and pedagogical activity).....	160
---	-----

INFORMATION FOR THE AUTHORS	167
--	-----

УДК 902

DOI: 10.14258/nreur(2019)3-03

Л. М. Плетнева*Томский государственный педагогический университет, Томск (Россия)*

ЛАЗУРИТ В СОСТАВЕ УКРАШЕНИЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ БАСАНДАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Басандайская культура эпохи развитого Средневековья была распространена на территории Томского, Новосибирского Приобья, Кузнецкой котловины, части лесостепного Алтая. Для исследования обозначенной темы были взяты материалы погребений семи могильников: Аникин Камень — 1, Басандайский курганный могильник, могильник у Устья Малой Киризки, Коневе, Осинкинский, Санаторный — 1 и Ташара-Карьер — 2, в которых наряду с другим инвентарем и украшениями были найдены лазуриновые подвески, бронзовые и серебряные серьги с надетыми на них лазуриновыми кольцами и треугольными пластинками и отдельные бусины. Автор подробно рассматривает взаимостраемость предметов из лазурита с бусинами из сердолика, янтаря, хрусталя, коралла и стекла. Всего из 399 погребений в указанных могильниках с лазуритом 51: целых — 27, разграбленных 24. Также определены, насколько возможно, погребения по полу и возрасту: 10 детей, 24 взрослых (среди взрослых в Осинкинском могильнике захоронены только женщины). В могильнике Коневе — девочка 8–10 лет, в других могильниках антропологических определений мало. В четырех могилах погребены взрослые и дети, в одной — подросток. По расположению украшений на погребенном можно сказать, что население басандайской культуры использовало их в головных уборах, в съёмных украшениях (шейные и ожерелья), могла быть поясная подвязка, а также их нашивали на одежду (найжены на шею и пояс).

Украшения, сохранившиеся в традиционных культурах до XX в. и позднее у народов Поволжья, Сибири, Средней Азии, в первую очередь народов тюркско-мусульманского мира, могут помочь определить как их назначение, так и значимость в археологических культурах, тем более, что исследователи находят их описание в письменных источниках кимако-кыпчаков, хотя таких свидетельств крайне мало. По мнению автора статьи, украшения с лазуритом, янтарем, кораллом и перламутром имели в обществе предмонгольского и отчасти монгольского времени престижно-статусный характер и одновременно были связаны с мировоззренческими представлениями.

Ключевые слова: басандайская культура, украшения, драгоценные камни, сердолик, хрусталь, стеклянные предметы, серебро.

L. M. Pletneva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk (Russia)

LAZURITE IN JEWELRY FROM MONUMENTS OF THE BASANDAIIKA CULTURE

The Basandaika culture (11th — 13th centuries) occupied Tomsk and Novosibirsk Ob Regions, Kuznetsk Depression, and part of the forest-steppe Altai.

In order to study the stated problem, the authors have taken grave goods from seven burial grounds: Anikin Kamen (1), Basandaika burial mound, a burial ground at the mouth of the Malaya Kirgiska river, Konevo, Osinka and Sanatorny burial grounds (1) and Tashara-Karyer burial ground (2), in which lazurite pendants, bronze and silver earrings with lazurite rings and triangular plates, as well as individual beads were found among other grave goods and jewelry. The author examines in detail the mutual occurrence of lazurite jewelry with carnelian, amber, crystal, coral and glass beads. There are 49 graves with lazurite (25 intact and 24 robbed) out of total 399 graves in the above burial grounds. Graves have also been identified by sex and age as far as possible: there are 10 children and 24 adults (in the Osinka burial ground, only women were found among adults). In the Konevo burial ground, there was a girl of 8–10 years old. In other burial grounds, only a few graves were anthropologically identified. There are four graves with both adults and children, and one grave with an adolescent. Localization of jewelry on buried bodies suggests that the population of the Basandaika culture used them in headdresses and removable pieces (necklaces and other neck jewelry) and could sew them on clothes (some pieces were found around the neck and on a belt). There could be also belt garters.

Jewelry preserved in traditional cultures until the 20th century and thereafter among peoples of the Volga Region, Siberia and Central Asia, especially in the Turkic Muslim world, can help to determine both purpose and significance of jewelry in archaeological cultures. Although researchers find their description in written sources of the Kimak and Kipchak peoples, these sources are extremely scarce. In the author's opinion, lazurite, amber, coral and nacre jewelry were symbols of prestige and status in pre-Mongolian and partly Mongolian societies. At the same time, they were associated with their beliefs.

Key words: Basandaika culture, jewelry, precious stones, carnelian, crystal, glass objects, silver

Плетнева Людмила Михайловна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета, Томск (Россия) Адрес для контактов: tspu_hae@mail.ru.

Статья посвящается 75-летию широкомасштабных археологических исследований на Басандайке. В годы лихолетья наши Учителя думали о непрерывности научного и учебного процесса, о времени Победы. Поклонимся священным тем годам, нашим Ученым и Учителям: К. Э. Гриневичу, А. П. Дульзону, З. Я. Бояришиновой, организаторам Н. С. Розову, Г. В. Трухину — участникам Басандайской археологической экспедиции 1944–1946 гг.

В эпоху развитого Средневековья на территории евроазиатской части России, особенно в кочевнической среде, были распространены украшения из сердолика, янтаря и стекла. Реже их изготавливали из хрусталя, агата, гагата и других камней, из перламутра, раковин и коралла. Наряду с ними в некоторых погребениях найдены предметы из лазурита.

Лазурит — небесный камень, получил свое название за синий цвет в XVIII в. Именно его цвет привлекал внимание человека. В Европе в Средние века из него изготавливали краску для росписи икон, его использовали в качестве вставок в иконах, а также в оформлении залов дворцов и храмов [Шуман, 1986: 164]. В кочевнической среде южнорусских степей и на юге Западной Сибири, включая лесостепной Алтай, лазурит использовали как подвески в украшениях головного убора, в качестве вставок в серьги, в украшениях на шею, в ожерельях и поясных украшениях.

Цель данной статьи — рассмотреть предметы из лазурита из памятников басандайской культуры, определить их взаимовстречаемость с бусинами, изготовленными из сердолика, янтаря, хрусталя, коралла и стекла, с подвесками из раковин (перламутра и др.), с серебряными изделиями и показать их распределение по полу и возрасту погребенных, а также расположение на теле, т. е. использование в costume и съемных украшениях.

Басандайская культура эпохи развитого Средневековья была распространена на территории Томского, Новосибирского Приобья, Кузнецкой котловины, части лесостепного Алтая [Плетнева, 1997; Илюшин, 2014, Савинов, 2016]. Относительно памятников Новосибирского Приобья существует две точки зрения. А. А. Адамов [2000] относит их к сrostкинской культуре, продлевая ее существование до XIV в. А. В. Новиков [2008] включает памятники Новосибирского Приобья (по крайней мере часть из них) в территорию распространения басандайской культуры. А. М. Илюшин включает памятники Кузнецкой котловины в круг памятников шандинской культуры, а культуру — в этнокультурную басандайскую общность [Илюшин, 2012, 2014].

Кратко история изучения лазуритовых подвесок изложена Д. Г. Савиновым. В данной статье мы не будем останавливаться на ней, лишь отметим: если в южнорусских степях их найдено значительное количество, то в Сибири, включая Алтай, только в Бичикту-Бом обнаружено 20 предметов, в остальных памятниках, удаленных друг от друга и не входящих в одну культуру, они зафиксированы в единичных экземплярах.

Для исследования нами взяты семь могильников: Аникинский курганный могильник — 1 (АК-1), Басандайский курганный могильник (БКМ), могильник у Устья Малой Киргизки (МУМК), курганные могильники Конево, Осинкинский, Санаторный 1, Ташара — Карьер — 2, материалы которых опубликованы [Плетнева, 1997; Гаман, Плет-

нева, 2010; Гриневич, 1947: 19–49; Дульзон, 1947: 68–115; Савинов, 2008: 8–70; Росляков, 2008: 71–275; Новиков, 2008: 276–337]*. По могильникам БКМ, МУМК использованы коллекции, полевая документация и отчеты, хранящиеся в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (см. Источники).

Лазуриновые подвески имеют треугольную, подтреугольную (с закругленным нижним краем), ромбическую, неправильно-ромбическую, редко вытянуто-трапециевидную форму (рис. 1)**.

Рис. 1. Погребение 3 кургана 15 Басандайского курганного могильника. Подвески из сердолика (по краям) и лазурита (в центре)

Они часто орнаментированы резными линиями по боковым сторонам (от одной до трех) или у ушка (чаще две линии). Есть несколько экземпляров, имеющих орнамент по боковым сторонам и у ушка. Некоторые подвески имели орнамент с двух сторон. Классификация подвесок и бусин из разных материалов из памятников басандайской культуры содержится в работах Л.М. Плетневой [1997: 92–97] и С.Г. Рослякова [2008: 118–127]. Кроме подвесок найдены лазуриновые бусины округлой и подтреугольной формы, которые одевались на бронзовое или серебряное кольцо серьги или были в составе ожерелий.

Некоторые исследователи обращают внимание на присутствие в одном погребении с лазуритом предметов из раковин/перламутра [Савинов, 2008: 28]. Надо заметить, что последние встречены значительно реже, чем лазуриновые предметы (см. табл. 1), но есть погребения, в которых нет лазурита, но есть перламутр [Росляков, 2008: 102, рис. 171–4; Новиков, 2008, рис. 21–3; рис. 48, 50, 53, 65, 108].

* Кроме указанных могильников в Томском Приобье частично исследован могильник Шайтаны обозначенного времени, но его материалы пока не опубликованы. Несколько предметов, в том числе две лазуриновые подвески, несколько сердоликовых бусин, хранятся в Томском областном краеведческом музее, указано место находки – Тоянов Городок. Но из какого объекта они происходят – неизвестно, поэтому мы можем только учесть как случайную находку, поэтому в таблицу 1 они не включены.

** К статье приложены цветные фотографии украшений из Басандайского курганного могильника (1–9). Технологических анализов лазуриновых предметов не проводилось. Лазурит похож по цвету на азурит [Шуман, 1986: 166]. При отнесении предметов к лазуриту возможны ошибки.

Таблица 1

Распределение украшений в могильниках басандайской культуры

№	Могильник, курган, погребение	Разрушенное / целое	Возраст, пол	Серьги	Лазуритовые подвески	Янтарные подвески	Янтарные бусины	Сердоликовые бусины	Хрустальные бусины	Стекланые бусины	Бисер	Коралл	Перламутр	Раковины	Серебро	Зеркало	Бронза
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	АК — 1, К 7, П 1	Целое	Взросл.		1								1				
2	К 7, П 2	Разруш.	?		1								1				
3	К 8, П 1	Разруш.	?		1					Несколько шт.							
4	К 15, П 2	Целое	Взросл.		1		6			3							бусина
5	БКМ, К 1, П. 3	Целое	Взросл.		1			4				1					2 застежки, 1 бубенчик
6	К 15, П 3 Костяк 2	Целое	Взросл. (?)		1			4								1	подвеска
7	К 24, П 4	Целое	Взросл. + череп ребенка	1									8 бусин	2 пластинки-подвески			3 кольца
8	К 25, П 2	Целое	Взросл. жен.	1				8		4	+		2			1	2 височ. кольца, 4 пластинки-ушки
9	К 25, П 3	Целое	Ребенок	4	2			16	Вставка в медальон		+		11	12, 1 пластинка			Пластинка дерева вид. Формы, накладки на ленты
10	К 54, П 1	Целое	Взросл.		14		2	3				2 вешалки					Серьга, 2 височных кольца, бляшка с птицами

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
11	К 54, П 2	Целое	Ребенок		2 бусины, 1 пласт., 4 подв.	1	6	1 сер-долик, 1 кольцо, 1 халцедон		2 подвески				1	2 проволочных кольца	Обломок	2 бляшки с сереб. пластинками, 1 позолочен. пластинка
12	К 66, П	Целое	Мужчина		4			1,5		2					Бляшка с ушком		2 височ. кольца
13	К 77, П 2	Целое	Взросл.		4										пластинка		Бляшка с двумя птицами из белой бронзы
14	К 77, П 4	Целое	Ребенок		5					17	125			Половина одной раковины	Луница, кольцо, цепочка		Серьга, подвеска, шарик
15	К 77, П 5	Целое	Ребенок	2	4					45	20		8	2	Украшение		Фигура медведя
16	К 97, П 1	Целое	Взросл.		1	2		2		39				4			Серьга с подвеской из синего стекла
17	МУМК, К. 11, П	Целое	Взросл.		1	3	2		5	6							2 височн. кольца
18	КОНЕВО, К.З. М.1	Потревоженное грызунами	Девочка 8–10 лет		3					2		3 точ-ки		5 каури	3 амулета, серьга		4 бубен-ка, 4-х лепестков. бляшка
19	ОСИНКИНСКИЙ МОГ., МОГ. 30	Целое	Жен. 25–30 лет с младенцем	2	1, 1 бусина	1	6	7	1	28			5		серьги	фрагмент	4-х лепестков. подвеска
20	МОГ. 39	Целое	Жен. 45–50 лет		4			10		14			4			фрагмент	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18			
21	МОГ 45	Целое	Жен. 20–25 лет		7		17	17, +8 подв.		2 под- вес- ки	335				Серьги 4 пла- стины		1 подв.			
96 экз. бусины холцедоновые, лазуритовые, хрустальные и стеклянные																				
22	МОГ 46	Целое	Жен. 15–20 лет		1	Всего 45 предметов (сердолик, янтарь, лазурит и стеклянные бусины)												Облом.		2 кольца, 1 серьга, колючки
23	МОГ 54	Целое	Жен. до 20 лет		1		2			3							2 кольца			
24	Санатор- ный — 1 К 1, П. 7	Нару- шен. в обл. груди	Взрос.		9	5	3	8, +2 хол- цедон.	1	9	б гран. бусина			скоп- ле- ние			1 бусина, 2 кольца			
25	К 1, П. 8	Целое	Реб.		1	2	1	10		20					1 под- веска, 4 перстня 2 браслета		Пронизка, 4-х лепестк. бляха, 4 ви- соч.коль- ца со стекл. диск.			
26	К. 2, П. 1	Целое	Реб.		1					1 подвес. 3 бусины							Бляшка, кольцо			
27	К. 2, П. 9	Грабл.	Взрос.		2		2	3			2			2 под- вески						
28	К. 2, П. 13	Целое	Взрос.		6			3							3 пласт., 2 нашивки		В фут- ляре кольцо			
29	К. 2, П. 14	Целое	Взрос.		3 под- вески, 2 рас- преде- лите- ля					15 бу- син, 1 под- веска							кольцо			

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
30	К. 2, П. 15	Разр.	Взрос.		3					11			1 подвеска		5 нашивок, 2 бубен- чика,		серьга
31	К. 2, П. 18	Разр.	Реб.		1					1				1 под- вес- ка			
32	К. 3, П. 1	Разр.			1					1							
33	К. 5, П. 3	Целое	Взрос.		10		1			11	268		1				2 височ. Кольца с диск. из си- него стекла, серьга
34	К. 10, П. 6	Разр.	Не опред.		1												
35	К. 10, П. 8	Разр.	Не опред.	Се- ребр. коль- цо. с ла- зури- том	3	2		1		3					подвеска		
36	К. 11, П. 1	Разр.	Взрос.		1					6						2 об- лом- ка	7 предметов
37	К. 12, П. 5	Разр.	Реб.		1					1							Височ. кольцо
38	К. 12, П. 9	Разр.	Не опр.		5		1	3	5			1 веточ- ка (?)					Височ. коль- цо, 2 позо- лоч. бляшки
39	К. 15, П. 4	Разр.	Взрос.		1										Цепочка		

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
40	К. 16, П. 1	Разр.	Не опред.		1					3							
41	К. 19, П. 11	Разр.	Взрос. + реб.		2												4 бляшки
42	К. 20, П. 1	Разр.	Не опред.		2	1		6		3	400						
43	К. 20, П. 2	Целое	Реб.		2					3 подвески							
44	К. 20, П. 12	Разр.	Не опред.		1					3 бус. 1 подв.							
45	Ташара — Карьер — 2 К 2	Наруш.	Подрос.	1				5, ка-бошон с гравировкой	1 кусок, 4 подв.						1 подв.	1 целое	Серьга, подвеска, поясная гарнитура
46	К. 4, П. 1	Целое	Реб.		3 подвески, 2 бусины					1 подвеска, 6 золочен. бусин			2				2 серьги
47	К. 4, П. 4	Наруш.	Взрос.	1	1									3 подв.			
48	К. 7, П. 1	Разр.	Не опред.		3												
49	К. 8, П. 1	Разр.	Не опред.		1									1 подв.			1 серьга
50	К. 10, П. 2	Целое	Реб.	2	4			4		80			4 подв.				4 бубенчика, 2 бусины
51	К. 16, П. 1	Целое	Взрос.		1			2 с орн., 1 б/о		4							

Рассмотрим наличие лазуритовых подвесок и других предметов из лазурита в могильниках (табл. 1). Надо отметить, что погребений с лазуритовыми предметами немного: в АК-1 из 25-и захоронений они найдены в четырех, их них двое взрослых, две могилы разграблены; в БКМ из 78-и — в 12-и, из них семь взрослых, четверо детей, в одной могиле погребены взрослый и ребенок; в МУМК из 99-и — в одной; захоронен взрослый; в курганном могильнике Конево из 23-х — в одной (девочка 8–10 лет); в Осинкинском курганном могильнике из 27-и — пять (все женщины); в курганном могильнике Санаторный — 1 из 151-го захоронения лазурит найден в 21-м. Из них 8 взрослых, пятеро детей, в одной могиле были взрослый и ребенок; в семи случаях возраст не определен (погребения разрушены). В курганном могильнике Ташара — Карьер — 2 из 44-х могил с лазуритом было 7: два ребенка, один подросток, два взрослых человека, в двух случаях возраст не определен. В одном погребении лазуритовых подвесок найдено от одной до 14 (см. табл. 1)*. Кроме подвесок, как уже отмечено, найдены бронзовые и серебряные серьги с круглыми или треугольной формы лазуритовыми бусинами, редко встречены отдельные бусины.

В украшениях наряду с лазуритом присутствуют янтарные бусины и подвески — сердоликовые, хрустальные, стеклянные (пастовые бусины и подвески), редко встречаются украшения — коралловые, агатовые, гагатовые, перламутровые и из разных раковин. Янтарные подвески зафиксированы в пяти могильниках из семи (табл. 1), наиболее выразительны (большие по размерам) происходят из кургана 11 могильника у Устья М. Киргизки. Янтарные бусины встречаются чаще, чем подвески. Их нет в могильниках Конево и Ташара — Карьер — 2. Отличаются их количеством погребения 45 и 46 в могильнике Осинкинский. Сердоликовые бусины — наиболее распространенный вид украшений, в погребениях найдено от одного до 17-и предметов. В могиле 45 Осинкинского могильника кроме бусин найдено восемь подвесок. Следует заметить, что нередко сердоликовых бусин в одном погребении найдено нечетное число: 1, 3, 5, 7, 17 (табл. 1).

Бусины и подвески из хрусталя встречаются редко. Стеклянные бусины чаще изготовлены из стеклянной пасты. Бусины и бисер зафиксированы во всех могильниках. Бусины желтого, голубого, синего, фиолетового и черного цветов чаще всего круглые, разных размеров, происходят из мастерских разных мест: Руси, Средней Азии, Дальнего Востока [Плетнева, 1997: 97]. Найден бисер следующих цветов: белый, черный, синий, голубой и желтый. В могилах встречается не так часто: от нескольких бисеринок до 300–400 экземпляров (Осинкинский могильник, могила 45 — 335 экземпляров, могильник Санаторный — 1, курган 20, погребение 1 — 400 экземпляров). Выделяются по обилию украшений несколько захоронений (табл. 1): в БКМ — погребение 2 кургана 25; в Осинкинском могильнике погребения в могилах 30, 45 и 46; в могильнике Санаторный — 1 — погребение 9 кургана 12; в могильнике Ташара — Карьер — 2 — погребение в кургане 10.

* Для наглядности приведем данные по количеству погребений с украшениями без лазурита в указанных могильниках: АК-1-9; 5 КМ-21; МУМК-39, Конево-5, Осинки-13, Санаторный-26, Ташара-Карьер 2–18. Во всех могильниках по количеству погребений с украшениями преобладали погребения с украшениями без лазурита.

Анализ вещественного материала из могильников басандайской культуры и сопредельных территорий убеждает в том, что драгоценные металлы (золото и серебро) для лиц такого социального ранга, как военачальники отрядов войск, воины-всадники, которые относились к элитарной прослойке общества, не говоря уже о пехотных воинах/охотниках, не были доступны не только по цене, но и, как можно предположить, по мировоззренческим и принятым в обществе установкам. Можно, конечно, говорить о том, что погребения по большей части ограбленные (но и в неограбленных, которые по размерам, высоте часто не отличались от ограбленных, хотя у грабителей, видимо, были свои «мерки») таких предметов крайне мало. Так, золото в погребениях с лазуритом зафиксировано в погребении 1 кургана 54 БКМ в виде двух золотых бляшек со штампованным орнаментом размером 1,4x1,4 см [Гриневиц, 1947: 70, табл. 59, № 64] и в погребении 9 кургана 12 могильника Санаторный — 1 тоже найдены две позолоченные бляшки [Росляков, 2008, рис. 90–17,18]. Нет предметов из золота в погребении 3 кургана 1 БКМ — самом богатом погребении, с полным комплексом вооружения и защитным доспехом. Серебряных предметов значительно больше: это серьги, амулеты, бубенчики, нашивки, подвески, лунницы (табл. 1). Надо отметить, что золотые бляшки найдены в одном случае в ненарушенном погребении, в другом — в нарушенном. Серебряные предметы происходят чаще из целых погребений, чем из нарушенных (см. табл. 1).

Одним из престижных предметов рассматриваемого времени являются зеркала. Они найдены как целыми, так и в обломках, причем в одном и том же могильнике. Всего в погребениях с лазуритом они присутствуют в восьми погребениях. Зеркала из рассматриваемых нами могильников не раз были предметом специального рассмотрения [Маракуев, 1947; Плетнева, 1997; Ожередов, Плетнева, Масумото, 2008; Росляков, 2008; Савинов, 2008]. Исследователи пришли к заключению о том, что зеркала выполняли несколько функций: как предмет туалета, как ритуальный предмет и как предмет престижа.

Для того, чтобы определить назначение украшений из лазурита, бусин, раковин, перламутра, составлена таблица 2 по каждому погребению из семи могильников. Были выделены пять показателей: расположение украшений вокруг головы, на шее, груди, поясе и хаотично. Последний показатель характерен для погребений маленьких детей, трупосожжения и для разрушенных погребений. Таблица показывает, что в курганном могильнике Аникин Камень — 1 в одном случае украшения зафиксированы на поясе, в другом — на шее и поясе, в двух погребениях они располагались хаотично (погребения разрушены).

В Басандайском курганном могильнике (см. рис. 1–9) в двух погребениях украшения обнаружены от головы до пояса. Это наиболее богатые погребения. Только у головы они есть в двух погребениях, у головы и на поясе — одном, на груди и на поясе — одном, у головы и на груди — одном, у головы, на груди и ниже таза — одном. У головы, на шее и на поясе тоже в двух захоронениях. В одном погребении они располагались хаотично (трупосожжение). В одном погребении ребенка украшения располагались везде, погребенный был засыпан ими.

Рис 2. Погребение 3 кургана 25 Бсандайского курганного могильника. Изделия верхнего ряда (1–3) располагались у головы, бронза; среднего ряда (4–9) — под нижней челюстью, сердолик; нижнего ряда — на шее (10, 11), лазурит (здесь и далее номера идут сверху вниз и слева направо по порядку)

В погребении могильника у Устья М. Киргизки украшения располагались по четырем позициям. В курганном могильнике Конево они зафиксированы только на шее. В Осинкинском могильнике наиболее богатая могила 45, в ней была масса украшений, расположенных у головы, шеи, на груди и поясе; в двух могилах местонахождение их определено у головы и шеи, в одной — у головы, шеи и на груди и одной — на груди.

Рис. 3. Погребение 1 кургана 54 Бсандайского курганного могильника. Изделия из лазурита, найденные на шее

Рис. 4. Погребение 1 кургана 54 Басандайского курганного могильника.
Изделия из лазурита, найденные на поясе

В курганном могильнике Санаторный — 1 десять погребений разрушено, в них украшения располагаются хаотично. В остальных 11 погребениях украшения зафиксированы: в одном — у головы; в трех — у головы и на шее; одним — на груди; двух — у головы и на груди; двух — у головы, на шее и груди, и только в одном погребении украшения располагались у головы, шеи, на груди и костях таза.

Рис. 5. Погребение 2 кургана 54 Басандайского курганного могильника. Изделия верхнего и среднего рядов (1–7) — лазурит; нижний ряд: сердолик (8, 10), янтарь (9)

В могильнике Ташара — Карьер — 2 в двух захоронениях украшения располагались на груди и на поясе. В богатом, ненарушенном погребении ребенка (курган 10, погребение 2) украшения зафиксированы у головы, на шее, груди и у правого колена. В одном погребении украшения располагались хаотично.

Рис. 6. Погребение 2 кургана 66 Басандайского курганного могильника. Изделия верхнего ряда (1, 2), паста, найдены в области шеи; нижнего ряда (3–6) — лазурит, найдены на поясе

Таким образом, как видно из таблицы 2, погребений, в которых лазурит зафиксирован только в области головы, — два, в области головы и груди — одно, только в области шеи нет ни одного, только на груди — два, только на поясе — нет; хаотично — 18. Погребений с украшениями в области головы, шеи, груди и на поясе — шесть. Это наиболее богатые, неограбленные погребения. Кто захоронен в этих погребениях? В кургане 77, погребениях 4, 5 БКМ и в кургане 10, погребении 2 могильника Ташара — Карьер — 2 захоронены маленькие дети. В кургане 97, погребении 1 БКМ и в кургане 11 могильника у Устья М. Киргизки погребены взрослые, в могиле 45 в Осинкинском могильнике захоронена женщина 20–25 лет. По поводу детских захоронений из памятников басандайской культуры следует отметить, что в некоторых погребениях инвентаря и украшений не было (Ташара — Карьер — 2, к. 3, п. 1 — подросток) или они были в минимальном количестве.

Рис. 7. Погребение 2 кургана 77 Басандайского курганного могильника. Изделия из лазурита, располагались на шее

Рис. 8. Погребение 4 кургана 77 Басандайского курганного могильника. Изделия из серебра и стекла (1), серебра (2), лазурита (3–7). Найдены на черепе и рядом с ним

Рис. 9. Погребение 1 кургана 97 Басандайского курганного могильника: 1 – стекло; 2 – бронза, стекло; 4 – янтарь; 5–7, 9–11 – сердолик; 8 – коралл; 12–14 – лазурит

В древности и в Средневековье костюм со всеми деталями, в том числе и с украшениями, рассматривался как единое целое и передавал информацию об этнических/мировоззренческих особенностях его владельцев и его статусе в обществе. Неумолимое время не сохранило одежду. Есть только отдельные ее фрагменты. В Басандайском курганном могильнике достоверное определение тканей сделано только по образцам из курганов 42 и 55, погребения 2. В первом случае — это шелковая ткань из некрученых нитей, во втором — для изготовления маски использовалась ткань двух видов: верхняя (лицевая) — плотная непрозрачная ткань регулярного полотняного переплетения, практически непрозрачная — тафта [Глушкова, 1997: 145]. Но в этих погребениях нет лазурита.

Из этого же могильника происходит еще несколько образцов тканей, определенных руководителями работ А. П. Дульзоном и К. Э. Гриневичем. Из погребений, в которых присутствует лазурит, фрагменты ткани встречены в кургане 25, погребении 3. Это грубая ткань мешочного типа, прошита шерстяной ниткой желтого цвета, сложена в несколько слоев, на поясе прослежены остатки кожи и ткани. В этом погребении найден кожаный мешочек, на нем была вышивка из шерстяной ткани. Под мешочком выявлена шерстяная клетчатая ткань. В некоторых бусах есть остатки шерстяной нит-

ки [Дульзон, 1947: 103, 105–106]. По предположению К.Э. Гриневича, в погребении 1 кургана 54 «очевидно, на голове покойника был надет сделанный из кожи или материи, ныне исчезнувшей почти без остатка, головной убор, на котором были нашиты бляшки и височные кольца» [Гриневич, 1947: 24]. В этом погребении «на шее было ожерелье, состоящее из семи подвесок из лазурита, которые, по-видимому, были нашиты на кожу. Этому шейному убору соответствует поясной убор, состоящий также из семи подобных же подвесок, только немного меньших размеров. Они имеют голубоватый цвет с золотистыми вкраплениями» [Гриневич, 1947: 24]. А.П. Дульзон предположил, что в кургане 66, погребении 1 на умершей женщине был головной убор, который состоял из материи (?), прошитой кожей [Дульзон, 1947: 92].

В могиле 45 Осинкинского могильника, где захоронена женщина 20–25 лет, по заключению автора раскопок, «во многих местах зафиксированы остатки зеленого шелка от платья, в которое, судя по всему, была одета погребенная» [Савинов, 2008: 15].

В ряде случаев исследователи по расположению украшений определяют их назначение. По определению Д. Г. Савинова, в Осинкинском могильнике в могилах 30, 39, 46 на умерших были ожерелья, в могиле 45 часть украшений составляло ожерелье, другая часть — нагрудник. Всего было 130 украшений и 335 экземпляров бисера. В могиле 54 около шейных позвонков лежало шесть украшений, но автор не обозначил их назначение [Савинов, 2008: 14–17]. В могильнике Конево, в погребении девочки 8–10 лет, было ожерелье [Илюшин, 2012: 16]. С. Г. Росляков в погребениях с лазуритом при описании каждого погребения не определял назначения украшений, но в разделе «Характеристика инвентаря могильника Санаторный — 1» отмечает: «Часто бусины и подвески употреблялись в качестве шейных одиночных украшений косы, элементов сложного украшения типа алтайского женского нагрудника, пуговиц, подвесок на серьгах, нашивках на одежду, головные уборы и обувь» [Росляков, 2008: 118].

В могильнике Ташара — Карьер — 2 А. В. Новиков по расположению украшений в погребении 2 кургана 10 сделал заключение: «Скорее всего, бусинами был расшит головной убор, нагрудник и либо край одежды, либо мешочек-сумочка» [Новиков, 2008: 284].

Как именно выглядели нагрудники, по археологическим материалам не прослеживается. При поиске аналогий в этнографической литературе обратим внимание в первую очередь на народы, чья этническая история была связана с кыпчаками, и на народы, которые длительное время проживали рядом с ними, так как возможны заимствования. Это тюркские и финно-угорские народы европейской части России, тюрки Алтая, Западной и Южной Сибири. Большой материал по украшениям и женской одежде в 1920-е гг. был собран А. Гаген-Торн (1900–1986). Так, например, для нас представляет интерес существование матерчатых шапочек, часто расшитых бисером, у башкир, удмуртов, чувашей и других народов [Гаген-Торн, 1960: 153–156]. Как замечает автор, «в старину тухья (шапочка) у саратовских чуваш была не из холста, а из кожи [Гаген-Торн, 1960: 155]. Можно предположить, что в погребении 1 кургана 54 БКМ была шапочка, расшитая бисером. На кожаную или матерчатую шапочку есть указания К.Э. Гриневича [1947: 24]. В традиционной культуре тюркских народов Сибири нагрудники есть у качинцев. Они овально-сердцевидной формы, закрывают грудь, расшиты бусинами и разными вставками (см. две цветные вставки между страниц [Тюркские

народы Западной Сибири, 2006]). В. Я. Бутанаевым в описании материальной культуры хакасов приведены две фотографии: на одной изображены свахи в нагрудниках, на другой — сваха в нагруднике и невеста [Бутанаев, 2008: 570, 592]. На этих фотографиях форма нагрудников такая же, но украшения выполнены, по-видимому (в тексте нет их описания), из разноцветных лоскутов материи (?), есть ли бусы и бисер — не ясно.

По сообщению Ф. Т. Валеева и Н. А. Томилова, у сибирских татар «... в ряде деревень сохраняются в употреблении женские нагрудники и штаны с широким шагом» [1996: 81]. Р. А. Абдумананов, рассматривая роль кыпчаков в этнической истории кыргызов, обращает внимание на костюм, в котором отражена именно этническая история, связь с другими народами. Среди деталей костюма кыргызов есть и нагрудник, как и у ряда других народов, в этногенезе которых приняли участие кыпчаки [2015: 164, 165]. Сейчас это вышитые нагрудники с серебряными украшениями и монетами.

Семантика украшений связана со значениями каждого из составляющих элементов, их сочетанием и сложившимся общим смыслом. Вопрос семантики украшений, их знаковости в эпоху Средневековья требует специального исследования. В данной статье приведем лишь некоторые примеры из этнографии народов Сибири, Поволжья и в одном случае из Китая. Сама форма лазуритовых подвесок и бусин: треугольник, ромб или круг связана с символами плодородия/благополучия, известными с глубокой древности. «Камням издавна придавалось особое значение, их наделяли целебными и магическими свойствами. Ношение их выражало стремление не только украсить себя и своих близких, но и оградить их от опасности и болезней», — пишет М. В. Сазонова, рассматривая украшения узбеков [1970: 113]. И. В. Суслова, описывая украшения китаянок и их символику, отмечает: «Подавляющее большинство головных уборов, кроме удовлетворения эстетических чувств, связано с благопожеланиями их обладательнице, а некоторые из них — с представлениями об ограждении ее от всяческих бед. По головным украшениям можно было судить о возрасте их обладательницы, семейном и социальном положении» [Суслова, 1977: 247].

«В тюркской традиции украшения наделялись особыми свойствами. Их эстетическая и дифференцирующая функции были неразрывно связаны с символикой плодородия». В подтверждении этого положения авторы монографии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» приводят многочисленные примеры из сибирской этнографии тюрков [Львова, Октябрьская и др., 1988: 175]. О культе плодородия во всех его проявлениях, о символике в обрядовой женской одежде кимаков и кипчаков упоминает Ф. Х. Арсланова [1992: 85–86]. У алтайцев сохранилось представление о том, что серьги замужних женщин были оберегами ее детей [Тюхтенева, 2006: 412].

Интересным сюжетом о назначении коралла являются сообщения авторов о том, что «согласно шаманской традиции хакасов, Ымай — покровительница детей и рожениц — владела коралловыми бусинами суру, заключавшими в себе души-зародыши девочек. Вместе со стрелами ух — душами мальчиков — она хранила их внутри горы Ымай-гасхыл. Бусины ассоциировались с многочисленным потомством» [Львова, Октябрьская и др., 1988: 174]. Известно, что после замужества у женщин многих народов изменялась прическа, головные уборы и состав украшений. Так, например, у южных алтайцев в накосных украшениях использовались перламутровые бляшки [Львова, Ок-

тябрьская и др., 1988: 175]. Приведенные примеры свидетельствуют о сохранении древних традиций, о смысловом назначении украшений в культурах разных народов, что, видимо, имело место в тюркской среде развитого Средневековья.

Об использовании в украшениях указанного периода сердолика, бирюзы и кораллов есть письменные источники. Так, в трактате А. Бируни «Минералогия» упомянуты сердолик, бирюза, коралл [Сазонова, 1970: 114]. Считалось, что такие камни, как сердолик, бирюза, кораллы, обладают особыми для людей свойствами [Сазонова, 1970: 114]. Употребление этих же камней на протяжении очень длительного времени, вплоть до настоящего, прослежено исследователями у многих народов как на территории России, так и за рубежом, особенно в тюрко-мусульманском мире (см., например: [Сазонова, 1970; Сулова, 1980: 15; 2015; Смирнова, 2000: 180]).

Надо полагать, что лазурит для населения басандайской культуры был статусным предметом. Наиболее привлекающими внимание исследователей являются погребения 1 в кургане 54 БКМ и погребение 3 в кургане 5 могильника Санаторный — 1. В первом найдено 14 подвесок. Более крупные подвески располагались на шее — 7 экземпляров, более мелкие — на поясе, тоже 7 экземпляров [Басандайка, табл. 58, погр. 1; табл. 59; рис. 3, 4]. Наряду с ними в этом погребении найдены и другие украшения: две золотые бляшки с растительным орнаментом, две коралловые веточки, большая бусина из яшмы (единственная из этого могильника), серьги из серебра, бронзовая подвеска с двумя птицами у мирового дерева, бронзовые височные кольца, значительный набор железных предметов [Басандайка, табл. 60, 61].

Лазуритовые подвески (10 экз.) из второго указанного выше погребения располагались вместе с другими украшениями в области плеч, груди, таза и бедренных костей. Лазурит как статусный предмет моглишивать на костюм, это могло быть ожерелье и поясная повязка. И лицо, имеющее его, выполняло определенные социальные функции. Из других украшений здесь в области головы найдены бронзовые височные кольца, бисер (268 экз. от головного убора?), далее — перламутровая подвеска, сердоликовая и 11 стеклянных бусин и бусинок. Кроме того, железные предметы: пряжка, кольцо, нож, игольник, часть топора-тесла [Росляков, 2008: 78].

Погребение из Басандайки значительно богаче по набору инвентаря, чем из могильника Санаторный — 1. Однако объединяет их наличие большого количества лазуритовых подвесок. Совершенно очевидно, что лица, погребенные в них, выделяются по имущественному признаку, но, видимо, они должны были быть знаковыми лицами в обществе, входить в его элиту (только для взрослых погребений). Можно предположить, что наличие лазурита на костюме человека, головном уборе, платье (имеется в виду и женский, и мужской наряд), в ожерелье имело знаковое значение, а эти лица выполняли определенные социальные функции. Кроме указанных выше, имеются погребения, в которых нет значительного (богатого) набора инвентаря, но есть лазурит. Таким образом, основываясь на положении, что лазурит — статусный предмет, можно высказать два предположения: первое — человек стремился иметь лазурит, чтобы показать свое богатство, одновременно занимая в обществе значительное место, при-

надлежал к элите среднего звена, скорее всего, региональной*»; второе — наряду с указанными лицами (богатыми) были люди, обладающие лазуритом, не имеющие такого богатства, как первые, но исполнявшие, возможно, какие-то значимые для общества функции (культово-ритуальные, врачевания). Можно также предложить, что лазурит был дорогим и «модным» украшением, поэтому его стремились иметь. А также он, как и набор украшений в целом, был связан в представлении общества с благожелательными, охранными функциями и функцией плодородия во всех ее проявлениях.

По нашему мнению, украшения в составе: лазурит, сердолик, янтарь, коралл и перламутр имеют престижно-статусный характер и одновременно связаны с мировоззренческими представлениями.

Подводя итог, отметим: лазуритовые предметы наряду с другими украшениями найдены у детей, мужчин и женщин. Лазурит использовался в головных украшениях: головной убор — шапки, височные — ушные повязки, серьги; в съёмных украшениях: шейное украшение, ожерелье; предположительно в расшитых лазуритовыми бляшками наряду с материалом изготовления бусин: сердоликом, янтарем, стеклом — в нагрудниках, поясных повязках или нашивался на костюм. Предметы из лазурита в азиатской части России компактно зафиксированы в эпоху развитого Средневековья только в памятниках басандайской культуры (табл. 2).

Таблица 2

Расположение лазуритов предметов в погребениях басандайской культуры

		В области головы	На шее	На груди	На поясе	Хаотично	На костях таза
1	Аник.К-1. К.7. П.1				+		
2	К.7. П.2					+ разруш.	
3	К.8. П.1					+ разруш.	
4	К.15. П.2		+		+		
5	БКМ К.1. П.3.	+		+			
6	К.15. П.3. К.2	+		+	+		
7	К.24. П.4	+					
8	К.25. П.2	+		+			+
9	К.25. П.3	+	+		+		
10	К.54. П.1	+	+		+		
11	К.54. П.2					+	
12	К.66. П.	+			+		
13	К.77. П.2	+					
14	К.77. П.4	+	+	+	+	мален.	реб.
15	К.77. П.5	+	+	+	+		
16	К.97. П.1	+	+	+	+		

* Наряду с богатыми погребениями с лазуритом, были погребения, не уступающие по богатству инвентаря, но без лазурита. Они также относились к элите. Например: погребения 1 К. 18, 25, 27 п. 2 могильника у Устья М. Киргизки [Плетнева, 1997].

Окончание таблицы 2

		В области головы	На шее	На груди	На поясе	Хаотично	На костях таза
17	КГУМК, К.11. П.	+	+	+	+		
18	Конево, К.3. П.1		+				
19	Осинкинское М.30	+	+	+			
20	М.39			+			
21	М.45	+	+	+	+		
22	М.46	+	+				
23	М.54	+	+				
24	Санаторный-1, К.1. П.7	+	+	+			+
25	К.1. П.8	+					
26	К.2. П.9	+		+			
27	К.2. П.1	+		+			
28	К.2. П.13	+	+				
29	К.2. П.14	+	+				
30	К.2. П.15					+	
31	К.2. П.18					+	
32	К.4. П.1	+	+	+			
33	К.5. П.3					+	
34	К.5. П.3			+			
35	К.5. П.3					+	
36	К.5. П.3	+	+	у локтя			
37	К.5. П.3					+	
38	К.5. П.3					+	
39	К.5. П.3					+	
40	К.5. П.3					+	
41	К.5. П.3					+	
42	К.5. П.3					+	
43	К.5. П.3	+	+				
44	К.5. П.3					+	
45	Ташара — К.2. П.2					+	
46	К.4. П.1			+	+		
47	К.4. П.4			+	+		
48	К.8. П.1					+	
49	К.10. П.2	+	+	+	+ у прав. колена		
50	К.7. П.1					+	
51	К.16. П.1					+	

ИСТОЧНИКИ

Коллекция Басандайского курганного могильника № 6304. Хранится в Музее археологии и этнографии Сибири им. В. В. Флоринского Национального исследовательского Томского государственного университета.

Коллекция могильника у Устья М. Киргизки № 7558. Хранится в Музее археологии и этнографии Сибири им. В. В. Флоринского Национального исследовательского Томского государственного университета.

Архив музея археологии и этнографии Сибири им. В. В. Флоринского Национального исследовательского Томского государственного университета. № 106, тетрадь № 1, 2, 3. Рукописные полевые дневники. Басандайка.

Библиографический список

- Абдумананов Р. А. Кипчаки в истории кыргызов. Бишкек, 2015. 200 с.
- Адамов А. М. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск, 2000. 256 с.
- Арсланова Ф. Х. Языческая символика в обрядовой женской одежде кимаков и кыпчаков // Вторые Грязновские чтения. Омск, 1992. Ч. II. С. 83–86.
- Бутанаев В. Я. Хакасы // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 533–630.
- Валеев Ф. А., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. 224 с.
- Гаген-Торн А. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебксары, 1960.
- Гаман А. Д., Плетнева Л. М. Погребения XI–XIII вв. из курганного могильника Аникин Камень 1 // След на песке: материалы и исследования по археологии. Томск ; Северск, 2010. С. 102–131.
- Глушкова Т. Н. Определение тканей из Астраханцевского и Басандайского курганных могильников // Томское Приобье в начале II тыс. н. э. по археологическим источникам. Томск, 1997. С. 143–145.
- Гриневич К. Э. Археологические исследования урочища Басандайки близ гор. Томска, проведенные в 1944–1946 гг. объединенной экспедицией Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева и Томского государственного педагогического института. Ч. 5: Раскопка курганного могильника // Труды ТГУ им. В. В. Куйбышева Т. 98: Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. С. 19–49.
- Дульзон А. П. Дневники раскопок курганного могильника на Басандайке // Труды ТГУ им. В. В. Куйбышева Т. 98: Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. С. 68–115.
- Илюшин А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово, 2012. 188 с.
- Илюшин А. М. Курганы кыштымов в долине Ура. Кемерово, 2014. 216 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988. 225 с.
- Маракув А. В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка. Томск, 1947. С. 167–174.
- Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. по археологическим источникам. Томск, 1997. 350 с.

Ожередов Ю. И., Плетнева Л. М., Масусото Т. Металлические зеркала в музее археологии и этнографии им. В. М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // Сборник музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Вып. 2. Культуры и народы северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2008. С. 136–158.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2008. 424 с.

Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии: сборник МАЭ. Т. XXVI. Л., 1970. С. 113–142.

Суслова С. В. Головные украшения китайок и их символика // Одежда народов За рубежной Азии / Сборник МАЭ. Т. XXXII. Л., 1977. С. 230–247.

Суслова С. В. Женские украшения казанских татар середины XIX — нач. XX в. М., 1980. 128 с.

Суслова С. В. Женская одежда приуральских нагайбаков: компонентный историко-этнографический анализ // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Международной научной конференции, посвященной 25-летию центра истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9. Барнаул, 2015. С. 217–223.

Смирнова Е. Ю. Ювелирные украшения курдакско-саргатских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 177–182.

Тюхтенева С. П. Алтайцы. Социальная организация и семейная обрядность // Тюркские народы Сибири. Алтайцы. М., 2006. С. 392–428.

Шуман В. Мир камня: в 2 т. Т. 2: Драгоценные и поделочные камни. М., 1986. 263 с.

Source

Kollektsiya Basandayskogo kurgannogo mogilnika № 6304 [Collection of the Basandaika Burial Mound No. 6304]. Stored at the Florinsky Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, National Research Tomsk State University.

Kollektsiya mogilnika u Ustyа M. Kirgizki № 7558 [Collection of the Burial Ground at the Mouth of the Malaya Kirgiska River No. 7558]. Stored at the Florinsky Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, National Research Tomsk State University.

Arkhiv muzeya arkheologii i etnografii Sibiri im. V. V. Florinskogo Natsionalnogo issledovatel'skogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. № 106, tetrad № 1, 2, 3 Rukopisnyye polevyye dnevniki. Basandayka [Archives of the Florinsky Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, National Research Tomsk State University. No. 106, notebook No. 1, 2, 3. Handwritten field diaries. Basandaika] (in Russian).

References

Abdumanov R. A. *Kipchaki v istorii kyrgyzov* [The Kipchaks in the History of the Kyrgyz]. Bishkek, 2015. 200 s. (in Russian).

Adamov A. M. *Novosibirskoye Priobye v X–XIV vv* [Novosibirsk Ob Region in the 10th–14th Centuries]. Tobolsk; Omsk, 2000. 256 s. (in Russian).

Arslanova F. Kh *Iazycheskaia simbolika v obriadovoi zhenskoj odezhde kimakov i kypchakov* [Pagan symbolism in women's religious clothing of the kimak and kipchak peoples]. *Vtorye griaznovskie chteniia* [The second Gryaznov readings.]. Omsk, 1992. Ch. II. S. 83–86 (in Russian).

Butanaev V. Ia. *Khakasy* [The Khakas]. *Tiurkskie narody Sibiri* [Turkic Peoples of Siberia]. M.: Nauka, 2006. S. 533–630 (in Russian).

Gaman A. D., Pletneva L. M. *Pogrebeniia XI–XIII vv. iz kurgannogo mogil'nika Anikin Kamen' 1* [Graves of the 11th — 13th Centuries from the Anikin Kamen 1 Burial Mound] *Sled na peske. Materialy i issledovaniia po arkheologii* [Trace on the Sand. Archaeological Materials and Studies]. Tomsk; Seversk, 2010. S. 102–131 (in Russian).

Glushkova T. N. *Opredeleniye tkaney iz Astrakhantsevskogo i Basandayskogo kurgannykh mogilnikov* [Identification of Fabrics from the Astrakhantsevo and Basandaika Burial Mounds]. *Tomskoye Priobye v nachale II tys. n. e. po arkheologicheskim istochnikam* [Tomsk Ob Region in the Early Second Millennium A. D. Based on Archaeological Data]. Tomsk, 1997. S. 143–145 (in Russian).

Grinevich K. E. *Arkheologicheskie issledovaniia urochishcha Basandaiki bliz gor. Tomska, provedennoe v 1944–1946 gg. ob' edinenoj ekspeditsiei Tomskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. V. Kuibysheva i Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Chast' 5-ia. Raskopka kurgannogo mogil'nika* [Archaeological Studies of the Natural Landmark Basandaika near Tomsk Conducted in 1944–1946 by the Joint Expedition of Kuibyshev Tomsk State University and Tomsk State Pedagogical Institute. Part 5. Excavation of the Burial Mound]. *Basandaika. Sbornik materialov i issledovaniia po arkheologii Tomskoi oblasti.* [Basandaika. Collection of Archeological Materials and Studies for the Tomsk Region]. Tomsk, 1947. T. 98. S. 19–49 (in Russian).

Dul'zon A. P. *Dnevniky raskopok kurgannogo mogil'nika na Basandaike* [Diaries of the excavations of the burial mound on Basandaika]. *Basandaika. Sbornik materialov i issledovaniia po arkheologii Tomskoi oblasti.* [Basandaika. Collection of Archeological Materials and Studies for the Tomsk Region]. Tomsk, 1947. T. 98. S. 68–115 (in Russian).

Iliushin A. M. *Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ia Ura* [Mounds of the Late Nomads at the Mouth of the Ur River]. Kemerovo, 2012. 188 s (in Russian).

Iliushin A. M. *Kurgany kyshtymov v doline Ura* [Moulds of the Kyshtym in the Ur River Valley]. Kemerovo, 2014. 216 s (in Russian).

L'vova E. L., Oktiabr'skaia I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri* [Traditional Worldviews of the Turks of Southern Siberia]. Novosibirsk, 1988. 225 s. (in Russian).

Marakuyev A. V. *Kitayskiye bronzy iz Basandaiki* [Chinese Bronzes from Basandaika]. *Basandaika* [Basandaika]. Tomsk, 1947. S. 167–174 (in Russian).

Pletneva L. M. *Tomskoe Priobe v nachale II tys. n. e. po arkheologicheskim istochnikam* [Identification of Fabrics from the Astrakhantsevo and Basandaika Burial Mounds]. Tomsk, 1997. 350 s. (in Russian).

Ozheredov Iu. I., Pletneva L. M., Masusoto T. *Metallicheskie zerkala v muzee arkheologii i etnografii im. V. M. Florinskogo TGU: formirovanie i issledovanie sobraniia* [Metal Mirrors in the Museum of Archeology and Ethnography]. *Sbornik muzeia arkheologii i etnografii*

Sibiri im. V. M. Florinskogo [Collection of the Florinsky Museum of Siberian Archaeology and Ethnography]. Tomsk, 2008. Vyp. 2. S. 136–158 (in Russian).

Savinov D. G., Novikov A. V., Rosliakov S. G. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaia kul'tura)* [Upper Ob Region at the Turn of the Ages (Basandaika Culture)]. Novosibirsk, 2008. 424 p.

Sazonova M. V. *Ukrasheniia uzbekov Khorezma* [Jewelry of the Khorezm Uzbeks]. *Traditsionnaia kul'tura narodov Perednei i Srednei Azii. Sbornik MAE* [Traditional culture of the peoples of Western and Central Asia. Collection of the Florinsky Museum of Siberian Archaeology and Ethnography]. Leningrad, 1970. T. XXVI. S. 113–142 (in Russian).

Suslova S. V. *Golovnye ukrasheniia kitaianok i ikh simbolika* [Chinese women's headpieces and their symbolism] *Odezhda narodov Zarubezhnoi Azii. Sbornik MAE* [Clothing of the Peoples of Foreign Asia. Collection of the Florinsky Museum of Siberian Archaeology and Ethnography]. Leningrad: Nauka, 1977. T. XXXII. S. 230–247 (in Russian).

Suslova S. V. *Zhenskoe ukrasheniia kazanskikh tatar serediny XIX — nach. XX v.* [Women's Jewelry of the Kazan Tatars in the Mid-19th — Early 20th Centuries]. Moscow, 1980. 128 s. (in Russian).

Suslova S. V. *Zhenskaya odezhda priural'skikh nagaybakov: komponentny istoriko-etnograficheskii analiz* [Women's clothing of the ural nagaybaks: component historical and ethnographic analysis] *Etnografiya Altaya i soprodelnykh territoriy: materialy mezhdunarod. nauch. konf. posveschennoy 25-letiyu Tsentra istorii i etnografii laboratorii istoricheskogo krayevedeniya Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Barnaul 28–30 oktyabrya 2015)* [Ethnography of Altai and Adjacent Territories: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 25th Anniversary of the Center for History and Ethnography, Laboratory of Historical Regional Studies of the Altai State Pedagogical University (Barnaul. October 28–30, 2015)]. Barnaul, 2015. Issue 9. S. 217–223 (in Russian).

Smirnova Ye. Yu. *Iuvelirnye ukrasheniia kurdaksko-sargatskikh tatar* [Jewelry of the Kurdak-Sargat Tatars]. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Vladivostok; Omsk, 2000. S. 177–182 (in Russian).

Tiukhteneva S. P. *Sotsial'naiia organizatsiia i semeinaia obriadnost'* [Social Organization and Family Rituals]. *Tiurkskie narody Sibiri. Altaitsy* [Turkic Peoples of Siberia]. Moscow, 2006. Gl. IV. S. 413–428 (in Russian).

Shuman V. *Mir kamnia. Dragotsennye i podelochnye kamni* [The World of Stone. Precious and Ornamental Stones]. Moscow: Mir, 1986. 263 s (in Russian).

Цитирование статьи:

Плетнева Л. М. Лазурит в составе украшений из памятников басандайской культуры // Народы и религии Евразии. 2019. №3 (20). С. 34–58.

Citation:

Pletneva L. M. Lazurite in jewelry from monuments of the Basandaika culture. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. №3 (20). P. 34–58.
